

«ВОСТОК В ЕВРОПЕ»: КРЫМ ПОСЛЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ГЛАЗАМИ ИНОСТРАНЦЕВ¹

Н.И. Храпунов

Аннотация. Присоединение Крыма к Российской империи в 1783 г. привлекло к нему внимание всей Европы. Из места, которое Монтескьё считал синонимом неизвестного, Крым быстро превратился в популярный предмет историко-литературных описаний. Важнейшую роль в этом сыграли западноевропейские путешественники. За четверть века в Крыму побывало несколько десятков иностранцев, оставивших описания своих поездок, относившихся к разным жанрам и имевших разную научную и художественную ценность. Благодаря этому в общественном сознании сформировался образ Крыма как уникального региона. Образ этот был, разумеется, многомерным – Крым считали природным раем, музеем античного наследия или местом, где можно было оценить историческую миссию России. Важной составляющей представлений о Крыме были черты «Востока» (или «Азии»), под которыми понимали нечто, полностью противоположное «Западу» (или «Европе»), одновременно странное и привлекательное, и в любом случае позволявшее подчеркнуть «выигрышные» грани собственной культуры. Результаты натурных наблюдений дополняло живое воображение путешественников, а также стереотипы, продукт привезенного с собой культурного багажа. В статье выделены отдельные аспекты «ориентального» облика Крыма, показаны их параллели с описаниями других историко-культурных регионов, проанализированы сделанные путешественниками политические выводы и прогнозы.

Ключевые слова: Крым, Восток, записки путешественников, историческая имагология, история Нового времени, Шарль де Линь, Эдвард Кларк, Жан Рёйи.

Храпунов Никита Игоревич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», 295007, Республика Крым, г. Симферополь, пр-т академика Вернадского, д. 4, khrapunovni@gmail.com.

¹ Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки РФ № 33.5763.2017/БЧ по теме «Российская империя и Крым: основные проблемы, концепции, понятия».

“THE ORIENT IN EUROPE”: THE CRIMEA AFTER ACCESSION TO RUSSIAN EMPIRE AS VIEWED BY FOREIGNERS

N.I. Khrapunov

Abstract. Accession of the Crimea to Russian Empire in 1783 attracted the attention of all Europe. From a place that Montesquieu considered synonymous with the unknown, Crimea quickly turned into a popular subject of historical and literary descriptions. The most important role in this process was played by Western European travellers. For a quarter century the Crimea was visited by several dozen of foreigners who left descriptions of their trips, related to different genres and having different scientific and artistic value. Thanks to this, the image of the Crimea as a unique region was formed in the public consciousness. This image was, of course, multi-dimensional – Crimea was considered a natural paradise, a museum of the ancient heritage or a place where it was possible to assess the historical mission of Russia. An important component of ideas about the Crimea were characteristics of the “East” (or “Asia”), by which we understood something completely opposite to the “West” (or “Europe”), both strange and attractive, and in any case allowed to emphasize the “winning” culture. The results of full-scale observations complemented the living imagination of travellers, as well as stereotypes, the product of the cultural baggage brought with it. The article highlights some aspects of the “oriental” appearance of the Crimea, shows their parallels with descriptions of other historical and cultural regions, analyses the political conclusions and forecasts made by travellers.

Keywords: Crimea, Orient, travelogues, historical imagology, modern history, Charles de Ligne, Edward Clarke, Jean Reuilly.

Khrapunov Nikita I., Candidate of Science (History), Leading Researcher, History and Archaeology of the Crimea Research Centre at the V.I. Vernadsky Crimean Federal University, 4, Academician Vernadsky Ave., Simferopol, Republic of the Crimea, 295007, Russia, khrapunovn@gmail.com.

«Я нахожусь в гареме последнего крымского хана, который был совсем неправ, сняв лагерь свой и передав русским четыре года назад прекраснейшую страну на свете <...> В нашем дворце, где есть место мавританскому, арабскому, китайскому и турецкому, повсюду фонтаны, небольшие сады, картины, позолота и надписи; среди прочего, в диковиннейшем и великолепнейшем зале суда кругом по карнизу идут золотые буквы, гласящие по-турецки: "К досаде зависти, да будет известно всему миру, что ни в Исфахане, ни в Дамаске, ни в Стамбуле нет такого богатства, как здесь"». Так, если верить знаменитому придворному и остро слову Шарлю де Линю, писал он своей возлюбленной Луизе де Куаньи из Бахчисарая, где оказался в свите Екатерины II в июне 1787 г. [Ligne, 1809, p. 51]. Письма эти, впрочем, были значительно переработаны (или даже полностью написаны) уже после возвращения из поездки, в расчете на публикацию [Dickinson, 2002, p. 17, and note 55; Свирида, 2009, с. 268]. В них автор создал пленительный образ Крыма – страны, наполненной чудесами и романтикой Востока. Не мудрено, что Пушкин писал «Бахчисарайский фонтан» не только по личным воспоминаниям, но и под влиянием сочинения де Линя [Dickinson, 2002, p. 18].

В культурном отношении Крым казался классическим пограничьем. Путешественники знали, что географически он находится в Европе, ведь границу с Азией, в соответствии с античной традицией, проводили по Керченскому проливу. *«Мы только что переправились из Азии через Босфор Киммерийский»,* – сообщал высадившийся на крымском берегу знаменитый путешественник Эдвард Кларк своему другу Уильяму Оттеру 12 июля 1800 г. [Otter, 1827, p. 292]. Англичанину было чему радоваться – путешествие из Москвы на юг, через Подонье и Прикубанье, его разочаровало. *«Наше мнение об Азии, – писал он Оттеру дальше, – составленное по той её части, что мы пересекли, можно передать в нескольких словах – дурной воздух, дурная вода, дурная пища, дурной климат, дурные люди»* [Otter, 1827, p. 295]. Символически, что «в Европе» он нашел приют в доме у грека *«по рождению спартанца из Мистры»*, жена которого была уроженкой Пароса [Clarke, 1817, p. 98–99]. Здесь Кларк оказался в окружении восхитивших его античных памятников восточного Крыма. *«Может ли Греция быть интереснее стран, где от её древнейших колоний остались те фундаменты, что мы исследуем сейчас?»* [Otter, 1817, p. 292]. Но вскоре оказалось, что в Крыму имеются и выразительные черты Востока, прежде всего, культурное наследие крымских татар и караимов.

«Восточная» составляющая образа Крыма, возникшего в общественном сознании, проанализирована, прежде всего, в работах Л. Вульфа [Вульф, 2003, с. 209–217] и С. Дикинсон [Dickinson, 2002], которые использовали материалы, связанные с южным путешествием Екатерины II. Однако в нашем распоряжении имеется куда больше источников. После событий 1783 г. Крым превратился в популярный предмет историко-литературных описаний. Важнейшую роль в этом сыграли выходцы из Западной Европы, сочинения которых читали и в России. За четверть века в Крыму побывало несколько десятков путешественников, оставивших описания своих поездок, относившихся к разным жанрам и имевшим разную научную

и художественную ценность. Благодаря этому Крым был нанесен на карты географии, истории и культуры. В общественном сознании сформировался многомерный образ уникального региона. Можно расширить наработки предшественников за счет привлечения дополнительных источников и привлечения параллелей из описаний других регионов, способных показать универсальность некоторых стереотипов. Методической основой исследования будет дискурсивный анализ (см. обзоры современного инструментария изучения травелогов: [Толочко, 2012, с. 50–76; The Cambridge Companion, 2002, p. 261–273]).

В названиях путевых записок, рассказывающих о Крыме, нередко встречается слово «Та(р)тария». Под этим именем подразумевали те земли, которые некогда находились под властью монгольской империи, а Крым был их восточной оконечностью. Нашествие монголов в XIII в. произвело на европейцев шоковое впечатление. Появились попытки увидеть в них предсказанных христианскими пророчествами предвестников конца света [Филюшкин, 2011, с. 13, 39, прим. 16]. В итоге европейцы добавили в названия страны и ее жителей букву «р» – *Тартария* (Tartaria), *тартары* (Tartars). Так подчеркивалась их связь с Тартаром – преисподней древнегреческих мифов. Знали об этом и русские. Иногда мог возникнуть конфуз. Английская авантюристка Элизабет Крейвен (1786) рассказала о том, как русский острослов (говоривший, очевидно, по-английски или по-французски), назвал знатного татарина «сливками Тартара» («cream of Tartar», или «crème de Tartare»). Англичанке пришлось вмешаться и превратить эту не совсем уместную фразу в «cream of the Tartars», тем самым уподобив жертву каламбура сливкам татарского общества, что тому пришлось по нраву [Craven, 1789, p. 178, n. *]. Со временем эта параллель стала уходить в прошлое. Сочинение участника Крымской войны Томаса Милнера (1855) свидетельствует об этом. Он что-то слышал об этой шутке, но совершенно верно определил причины того, почему европейцы отыскивали параллель между татарами и Тартаром [Milner, 1855, p. 122, 175]. «Татария», конечно, казалась крайним воплощением восточного начала.

Зримым воплощением Востока в Крыму были памятники мусульманской архитектуры. Путешественники описывали ханские дворцы, мечети, системы водоснабжения и общественные бани, террасные жилые дома на южном берегу и необычные погребальные памятники-мавзолеи. Вот, например, слова Кларка о бывшей ханской столице – Бахчисарае. «*Это один из замечательнейших городов в Европе <...> Внезапно перед путешественником открывается вид, являющий многообразие объектов, [нагроможденных] самым неправильным и рассеянным образом, где пузырящиеся фонтаны, струящиеся водные потоки, сады, террасы, висячие виноградники и рощи черных тополей, кажется, смягчают ужасный облик скал и обрывов, даже придавая им притягательный вид*» [Clarke, 1817, p. 170]. Путешественники были склонны искать в очевидно мусульманских постройках наследие греко-римских древностей. Так, каменный мост близ города Старый Крым Кларк счел творением этрусков [Clarke, 1817, p. 154]. Его добрый товарищ Реджинальд Хебер, побывавший в Крыму через несколько лет (1806), заметил, что татарские мечети имеют двускатные крыши,

в отличие от плоских кровель жилых домов, что напомнило ему слова античного комедиографа Аристофана о заостренных вершинах афинских святилищ [Храпунов, 2008а, с. 674]. По-видимому, считалось естественным, что восточная архитектура унаследовала достижения архитектуры западной, более «прогрессивной» – что еще раз подчеркивало ее подчиненное положение и одновременно указывало на двойственное положение Крыма между Европой и Азией.

Важным свойством Крымского полуострова было многообразие населявших его этнических типов. Здесь по соседству друг от друга проживали мусульмане-татары и неталмудические иудаисты – караимы, православные греки и русские, армяне и цыгане. Кларк заключил, что *«на маленьком клочке земли, словно в зверинце, противоположные виды живых редкостей соединяются необычным образом»* [Clarke, 1817, р. 221–222]. Но вскоре после присоединения к России начинается массовая эмиграция крымских татар в Османскую империю. Французский дипломат и шпион Жан Рёйи (1803) назвал ее причиной несходство жизненного уклада и обычаев старожильческого населения и новых хозяев полуострова: *«...подчиненная нация, нравы и религия которой слишком отличаются от свойственных господствующей нации, оказывается притесняемой и угнетаемой ее правителями, даже если те и не думают вводить тиранические порядки»* [Reuilly, 1806, р. 178]. Путешественник сослался на мысль Монтескьё, согласно которой завоевателям необходимо сохранять законы и обычаи побежденных, которые те склонны ревностно защищать [Монтескьё, 1999, с. 129].

Если верить путешественникам, российская экспансия известным образом изменила даже природу Крыма. *«У татар общепризнана мысль о том, что зимы в Тавриде стали суровее и длиннее со времени завоевания этой страны русскими»*, – писал автор энциклопедического описания Тавриды (1801) немец на русской службе Петер Паллас [Паллас, 1999, с. 161; ср.: Clarke, 1817, р. 180]. Он попытался найти рациональную причину этому обстоятельству – аномально суровую зиму, вырубку лесов русскими войсками и «сокращение очагов» из-за эмиграции татар. Но в глазах читателей этот факт, очевидно, имел символическое значение. В европейской мысли вплоть до войны с Наполеоном сохранялось представление о России как о стране северной, с исключительно холодным климатом [Промыслов, 2016, с. 219, 226–238]. Потому похолодание в Тавриде говорило о ее новом статусе, символически смещая Крым с Востока на Север на «ментальных картах».

Исследователи не раз указывали на то, что Екатерининская идеология наделила Крым чертами земного парадиза [Зорин, 2004, с. 113–120; Schönle, 2001]. Образ рая, населенного разными «дикими» народами, позволял подчеркнуть обширность империи и благую миссию просвещенной монархии [Живов, 2002, с. 451–453]. Тот же образ возникал и в записках иностранцев, зачастую вполне скептически относившихся к России и потому, насколько можно судить, не зависевших от официальной идеологии. Свойствами рая наделяли прежде всего юго-западную часть Крыма и в особенности – субтропический южный берег полуострова [Храпунов, 2014а]. Он становился тем более привлекательным, что предварительно путешественникам

приходилось многие дни ехать по бескрайней, безводной, унылой южнорусской степи. Впоследствии эти черты, по принципу *pars pro toto*, переносились с юга и на степную, полупустынную часть Крыма. Поиски рая в экзотических краях были, видимо, общим свойством литературы путешествий. Его черты отыскивали в Греции и на Таити, в Скандинавии, Швейцарии и Амазонии [см.: Храпунов, 2017а, с. 347–348].

Суждения о крымском рае позволяли игнорировать очевидные жизненные сложности. Так, Кларк был восхищен субтропическим побережьем: «Если и существует земной рай, то его можно отыскать в местности между Кучук-Коем и Судаком, на южном берегу Крыма», – писал он [Clarke, 1817, р. 252]. Но именно в Тавриде путешественник подхватил тяжелую форму лихорадки, которая едва не свела его в могилу. Понимая, что рассказ о собственных страданиях не очень соответствует рассуждениям о «крымском рае», Кларк пришел к выводу, что Крым благостен только для его «природных жителей», тогда как для пришельцев, и прежде всего русских завоевателей, он смертелен [Clarke, 1817, р. 296–297]. Как видим, болезни отделяли полуостров и от Запада, и от Севера.

Подобные иллюзии были свойственны и россиянам. Авторы фундаментальных описаний Крыма Екатерининского времени превозносили достоинства полуострова, вводя в заблуждение и правительство, и частных лиц в отношении экономических перспектив края и удобства в нем жизни. Потому разработанные под их влиянием экономические проекты оказались мало совместимы с жизнью [Конкин, 2017]. Зато местные жители знали, что Крым отнюдь не был раем на земле, и здесь регулярно случались природные катаклизмы – засухи, грозы и нашествия саранчи приводили к неурожаю и голоду; эпизодически случались эпидемии чумы [Прохоров, 2017]. Для борьбы с саранчой местные жители использовали особые магические обряды. Иностранцы описывали, как призванные из Малой Азии дервиши приказывали «вывесить на минаретах воду в качестве оберега – чтобы таким образом, вместе с молитвами, привлечь черных дроздов определенного вида, которые должны были явиться во множестве и пожрать крымскую саранчу» [Храпунов, 2014b, с. 413; ср.: Храпунов, 2013, с. 462]. Справиться с экзотическим азиатским бедствием можно было лишь с помощью восточной магии.

Образ саранчи, отсылавший к описанию «казней египетских», был не единственной библейской параллелью, которую видели в Крыму. Обнаружив в окрестностях Евпатории запряженные верблюдами повозки, Хебер немедленно припомнил фрагмент из английского перевода Книги пророка Исаи [Храпунов, 2008а, с. 680]. Шотландский миссионер Эбenezер Хендерсон (1821) отыскал следы ветхозаветных погребальных ритуалов в обрядах крымских жителей [Henderson, 1827, р. 304]. Покоренный радушным приемом в доме крымского татарина, он вспомнил о гостеприимстве Авраама [Henderson, 1827, р. 358]. Хендерсон и два его товарища занимались распространением Священного писания среди народов империи по заданию Российского библейского общества. Потому в глазах читателя должна была возникнуть параллель с тремя мужьями, в виде которых Господь явился патриарху. Принесенная же ими добрая весть оказывалась связанной с оптимистичными

ожиданиями библеистов, надеявшихся достичь успеха среди крымских мусульман. Очевидно, путешественники воспринимали Крым как страну, где можно было встретить ожившие картины библейского прошлого.

С точки зрения европейцев обитатели крымских субтропиков проводили время в праздности и лени, не имея ни нужды в труде, ни потребности к нему. Характерны слова жившего на Юге России француза Поля Гибалья: «*Горные татары <...> по характеру своему ленивы и живут, наслаждаясь жизнью, как они это понимают, не беспокоясь о том, как бы разбогатеть. В этом отношении они, возможно, мудрее европейцев*» [Гибаль, 2017, с. 57]. Мысль о пасторальной праздности и безынициативности крымских татар, в особенности жителей плодородного южного берега с его пышной средиземноморской природой, встречается у многих западноевропейских и российских авторов [Храпунов, 2013, с. 466–467]. Потому, рассматривая историю Крыма, Рёйи заключил, что хозяйство и торговля полуострова развивались только тогда, когда он находился во власти «европейских наций» – эллинов и генуэзцев, тогда как под властью турок и татар хозяйство приходило в упадок [Reuilly, 1806, p. 75, 87–88, 93, 186–189]. Подобные умозаключения объясняются влиянием философии Просвещения. Монтескьё полагал лень природным свойством жителей юга, природа которого снабжала их всем необходимым, тогда как северян жизнь заставляла быть трудолюбивыми. Руссо вывел тип «естественного человека», неиспорченного цивилизацией дикаря, счастливо обходившегося минимумом материальных благ. В результате лень стала маркером «Другого», свойством, которое, в зависимости от ситуации, отыскивали не только на Востоке, но и в «переходных» регионах, таких как Греция или украинское Поднепровье [Храпунов, 2017а, с. 337–338]. Крым благодаря своему окраинному положению хорошо вписывался в эту концепцию. Думается, что ближайшей параллелью описаниям лени крымских жителей как причины экономического упадка края являются российские справочники о Грузии начала XIX в. [Урушадзе, 2016, с. 66–68]. Здесь российские власти также столкнулись с обществом, устроенным на незнакомых началах, и потому описывали его в категориях европейского ориентализма.

Особый интерес у путешественников вызывала религиозная жизнь мусульман. Так, мало кто из них избежал соблазна посмотреть на «танцы» дервишей. Непонятный обряд подчеркивал культурное различие. Вот, например, что пишет наблюдавшая его в Карасубазаре Крейвен: «*Представление такого рода вызывает у этих людей огромное почтение и уважение к тем, кто его исполняет. Я же вернулась домой сильно раздосадованной от этой нелепицы, тем более что мне не понравилась грязь в городе*» [Craven, 1789, p. 174]. Присутствовавшего при этом француза Жильбера Ромма возмутило то, что дервишей принудили совершать их обряд на потеху путешественницы: «*Дервиши повиновались, но как приняли они подобное приказание, с каким удовольствием выполняли его перед многочисленным обществом собак и неверных, один из которых приказывает им молиться богу и Магомету ради его забавы?*» [Ромм, 1941, с. 39].

Позднее шотландец Джеймс Уэбстер (1827) счел молитвы мусульман примитивными, основанными на простом повторении простой фразы, где «нет упражнения для

ума», свойственного утонченным ритуалам католической и англиканской церковью [Храпунов, 2014b, с. 408–409]. Экстатические обряды дервишей показались ему также грубыми и примитивными. Однако путешественник парадоксальным образом обнаружил в судьбе крымских мусульман известные параллели с тем, что видел в европейских странах. *«Странно: чтобы провести подобную церемонию, нам нужно было дать некоторую сумму денег – но дух торговли свойственен не только магометанам. В Харлеме, Люцерне и Катании для нас играл орган по той же причине, которая заставила выступать этих бедных дервишей. <...> Когда мы впервые оказались в мечети, мулла был точно также благодарен нам за два рубля, как и дервиши, получившие двенадцать рублей на всех по случаю нашего второго визита. В действительности это вызывает сожаление. Должен ли возраст, должна ли вера быть на побегушках у молодости и любопытства?»* [Храпунов, 2014b, с. 410]. Итак, стремление получить мзду малую с путешественников сближало, а не разделяло Европу и Азию. Заметим, что к похожим мыслям о примитивности и невежественности суфиев приходили и французы, видевшие их в Египте во время наполеоновской оккупации [Прусская, 2016, с. 156–157].

Жители Крыма давали европейцам возможность рассуждать о свойственной им антисанитарии – в эпоху, когда чистоту стали считать одним из критериев, отделяющих цивилизацию от варварства [Мартин, 2015, с. 26, 72–73]. Неаполитанский (или шведский) дипломат граф де Людольф (1787) описал татарские дома в следующих словах: *«Эти логовища крайне сыры и вонючи, воздух в них не проникает, а коровий навоз, которым их топят за отсутствием дров, придает невыносимый запах не только самому помещению и съестным припасам, но и обитающим в них татарам, которых чувствуешь обонянием на большом расстоянии»* [Людольф, 1892, с. 166]. Кларк же, разочаровавшийся в русских, заметил, что даже в беднейших татарских домах очень чисто, тогда как в жилищах русской знати внешний блеск прикрывал грязь [Clarke, 1817, р. 235]. По-видимому, от личной симпатии автора зависело, кого сделать объектом такого рода оценок, но важно, что Крым позволял проводить данные параллели.

Жители Тавриды не использовали лекарства – зато доверяли амулетам. По словам Хебера, крымские татары применяли следующий вид лечения: *«Мы кладём заболевшего человека на кровать; и, если Бог даст, он выздоравливает»* [Храпунов, 2008a, с. 683]. Англичанка Мери Хоулдернесс, которая несколько лет (1816–1820) провела в Восточном Крыму, не раз обращалась к этому сюжету. Так, когда заболел ее собственный ребенок, то один знакомый татарин предложил ей прибегнуть к помощи местного муллы. *«Он напишет вам бумагу, – сказал этот человек, – которую вам нужно сжечь и поддержать дитя над его дымом; после этого она поправится; или, быть может, он попросит вас, не глядя на бумагу, зашить её в одежду, и пусть она носит её, не снимая...»* [Holderness, 1827, р. 253]. По-видимому, суеверия и отсутствие квалифицированной медицины считались свойством нецивилизованных стран. Не случайно именно о них писала французская пресса, освещавшая Египетский поход Наполеона [Прусская, 2016, с. 104–105]. В XVIII в. экзотические

болезни и недостаток врачей рассматривались как показатель «варварства» жителей Восточной Европы, застрявших между Востоком и Западом [Вульф, 2003, с. 273–274].

Восток казался европейцам местом экзотических сексуальных практик [Саид, 2006, с. 263, 286, 295–299, 321–322]. Исламские нормы, предписывавшие женщинам кутаться в длинную одежду, скрывать лицо и жить в отдельном помещении, гости Крыма понимали как указание на чрезвычайную ревность их мужей [см.: Храпунов, 2008b, с. 304; Храпунов, 2013, с. 465]. Чтобы преодолеть эту скрытность, европейцу нужно было самому на время стать «восточным человеком». Рассказывали анекдот о слуге-англичанине, который стал имитировать поведение татарских женщин, убегая от них при встрече и прикрывая лицо. В итоге они, заинтригованные его поведением, окружили иностранца, потребовали объяснений, но одновременно дали ему возможность увидеть собственные лица [Гибаль, 2017, с. 46–47; Clarke, 1817, р. 186]. Зато, когда де Линь и его приятель – французский посланник Луи де Сегюр попытались в тайне взглянуть на лица татарских дам, спрятавшись в кустах возле ручья, куда те ходили умываться, то едва не стали жертвами гнева их мужчин [Séguir, 1827, р. 215–216]. Гендер служил барьером, разделявшим Восток и Запад.

Фантазии иностранцев породили постепенно эволюционировавшую романтическую легенду о несчастной любви крымского хана к даме-христианке. В ее основе – попытка найти объяснение отдельно стоявшему мавзолею, в котором была похоронена некая Диляра. По какой-то причине ее стали считать христианкой. По словам Крейвена: «...я увидела род купола, возбудившего мой интерес, и мне поведали, что этот памятник построен в память о жене-христианке, которую хан любил так нежно, что остался безутешен после ее смерти; и что он похоронил ее в том месте, чтобы он мог довольствоваться видом постройки, где покоятся ее останки. Полагаю, этот татарский хан должен был иметь душу, достойную любви христианки» [Craven, 1789, р. 180]. Позже наиболее популярной стала версия, назвавшая возлюбленную хана Марией Потоцкой – именем, нигде кроме поздней легенды не фигурировавшим. Очевидно, благородное происхождение полячки придавало истории дополнительную привлекательность. Наконец, в текст легенды, главным образом благодаря Александру Пушкину, был включен один из фонтанов ханского дворца, надпись на котором была (неверно) прочитана в том смысле, что она якобы говорит о горе безутешного хана [Бронштейн, 1997].

Эдвард Саид в своем знаменитом исследовании пытался доказать, что европейское знание о Востоке всегда имело политические последствия [Саид, 2006]. Записки путешественников о Крыме подтверждают этот тезис. К моменту присоединения к России полуостров был разорен в результате войн и смут в ханстве, а также выселения христианского населения. Вскоре после 1783 г. значительная часть крымских татар выехала в Османскую империю, что способствовало углублению кризиса [см.: Дружинина, 1959, с. 92–146]. Немудрено, что многие путешественники предлагали свои проекты по приведению его хозяйства в вид, достойный сказочно богатой природы.

Крейвен мечтала о размещении на полуострове английских поселенцев:

«Признаюсь, что хотела бы увидеть здесь колонию честных английских семейств, учреждающих мануфактуры и возвращающих продукцию этой страны в нашу...» [Craven, 1789, p. 188–189]. Паллас же предложил выселить недостаточно трудолюбивых крымских татар из плодородных долин южного и юго-западного Крыма. *«Тогда можно было бы их заменить искусственными поселенцами, принявшимися за культуру вин, масел, хлопка, шелка, в чем государство нашло бы свою выгоду, никогда не могущую получиться от жителей столь мало деятельных»* [Паллас, 1999, с. 148–149]. Де Линь собирался заселить свое крымское поместье английскими каторжниками и *«скитавшимися по Лондону арапами»* [Архив, 1876, с. 406] – по-видимому, даже их он полагал более пригодными к капиталистическому труду, чем счастливых и беспечных крымских татар. Не он один предполагал сделать из преступников орудие цивилизации – примерно так же рассуждал австрийский император Иосиф II, собравшийся «импортировать» английских уголовников в полученную благодаря разделу Польши Галицию [Себаг-Монтефиоре, 2003, ч. 6. 19].

Шотландец на русской службе Маттью Гатри (1802) и француз Рёйи увидели в истории Тавриды противоборство двух начал – цивилизующего Западного и разрушительного Восточного. Поэтому в глазах Гатри российская экспансия на юг оправдана, ведь она способствует развитию черноморской торговли, которую прежде блокировали османы [Храпунов, Гинькут, 2015, с. 163, 165–166]. Рёйи же предлагал развивать торговлю, промышленность и инфраструктуру Крыма по европейскому образцу, сделав полуостров важным звеном международной коммерции, которая связала бы Францию и ее заморские колонии с внутренними губерниями России и даже Сибирью [Храпунов, 2017b, с. 123, 129–130].

Кларк сформулировал радикально иное видение проблемы. Он считал российскую власть безусловным злом для Крыма и его обитателей, причем в категориях «варваров» описывал именно русских, тогда как крымских татар полагал, скорее, наивными и непрактичными полудикарями, которых легко вводили в заблуждение коварные северные соседи. Британец предложил радикальное решение проблемы – завоевание Тавриды силами западных держав и передачу ее османам [Храпунов, 2014с, с. 144–146]. Похоже, эта мера должна была вернуть Крым «обратно на Восток», в его привычное состояние.

Таким образом, образ Крыма, сформировавшийся в трудах европейских путешественников конца XVIII – начала XIX вв., имел выраженные черты «Востока». Это была эпоха нерасчлененного знания, когда путешественники были одновременно исследователями и литераторами, составляли шпионские донесения и экономические проекты, а проницаемость культурных и языковых границ сделала их труды известными от Нью-Йорка до Петербурга. Крым не столько позволял формировать новые представления о Востоке, сколько подтверждал уже существующие стереотипы, сформировавшиеся у автора на основе его культурного багажа. Поскольку эти представления объясняются особенностями европейского стиля мышления и отношения к Востоку вообще («ориентализмом»), немудрено, что параллели

к «крымским описаниям» находятся в самых разных местах, например, на Кавказе, в Египте или Малороссии, при всем различии соответствующих регионов и культур. Сформулированные в первые десятилетия российской власти над Крымом образы и стереотипы оказались очень живучими. Они сохранились в популярных литературных описаниях Крыма второй половины XIX в. [см.: Марков, 2006; Чистяков, 2015]. И это не удивительно, ведь в это время знаменитый историк А.Н. Пыпин противопоставлял Крым таким «русским пейзажам», как Волга и Киев [Пыпин, 1885, с. 190]. Таврический же епископ Гермоген (Добронравин) горько сожалел о том, что не Таврида русифицируется (как следовало бы), но оказавшиеся здесь русские, наоборот, начинают подражать нравам ее «азиатских» жителей [Гермоген, 1887, с. 506].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Архив князя Воронцова. Кн. 9. М.: Типография Грачева и К., 1876. 528 с.
- Бронштейн А.И.* Трансформация легенды Фонтана слез // *Бахчисарайский историко-археологический сборник*. Вып. 1. Симферополь: Таврия, 1997. С. 475–486.
- Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / пер. с англ. И.И. Федюкин. М.: НЛО, 2003. 560 с.
- Гермоген (епископ)*. Таврическая епархия. Псков: Тип. губ. правл., 1887. 520 с.
- Гибаль П.* Обзорение Крыма, Новороссии и Кавказа в дневнике путешествия из Одессы в Тифлис Поля Гибалья, 1818–1819 / пер. с фр. Т.П. Петерс. М.: Русский Миръ, 2017. 416 с.
- Дружинина Е.И.* Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. М.: Наука, 1959. 280 с.
- Живов В.М.* Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002. 760 с.
- Зорин А.Л.* Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М.: НЛО, 2004. 416 с.
- Конкин Д.В.* Оценки экономического потенциала Крыма в трудах ученых путешественников: «дефект описания» и его практические последствия // *Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825*. Севастополь: Альбатрос, 2017. С. 37–56.
- Людольф де.* Письма о Крыме // *Русское обозрение*. 1892. Т. 2 (март). С. 155–201.
- Марков Е.Л.* Очерки Крыма. Киев: Стилос, 2006. 512 с.
- Мартин А.* Просвещенный метрополис. Созидание имперской Москвы, 1762–1855 / пер. с англ. А. Эдельман. М., 2015. 448 с.
- Монтескье Ш.Л.* О духе законов / пер. с фр. А.В. Матешук. М.: Мысль, 1999. 672 с.
- Паллас П.-С.* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным местностям Русского государства в 1793–1794 годах / пер. с нем. А.Л. Бертье-Делагард, С.Л. Белявская. М.: Наука, 1999. 244 с.

- Промыслов Н.В. Французское общественное мнение о России накануне и во время войны 1812 года. М.: РОССПЭН, 2016. 254 с.
- Прохоров Д.А. О стихийных бедствиях на Крымском полуострове // *Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825*. Севастополь: Альбатрос, 2017. С. 57–73.
- Прусская Е.А. Французская экспедиция в Египет 1798–1801 гг.: взаимное восприятие двух цивилизаций. М.: РОССПЭН, 2016. 183 с.
- Пыпин А.Н. Волга и Киев. Впечатления двух поездок // *Вестник Европы*. 1885. Т. IV. Кн. 7. С. 188–215.
- Ромм Ж. Путешествие в Крым в 1786 г. / пер. с фр. К.И. Раткевич. Л.: Изд-во ЛГУ, 1941. 79 с.
- Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока / пер. с англ. А.В. Говорунова. М.: Русский Миръ, 2006. 640 с.
- Свирида И.И. Метаморфозы в пространстве культуры. М.: Индрик, 2009. 464 с.
- Себаг-Монтефиоре С. Потемкин. М.: Вагриус, 2003. 526 с.
- Толочко А.[П.]. Киевская Русь и Малороссия в XIX в. Киев: Laurus, 2012. 256 с.
- Урушадзе А.Т. Кавказ: взаимодействие культур (конец XVIII – середина XIX вв.). Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2016. 280 с.
- Филюшкин А. Как Россия стала для Европы Азией? // *Изобретение империи: Языки и практики*. М.: Новое издательство, 2011. С. 10–48.
- Храпунов Н.И. Крым в описаниях Реджинальда Хебера (1806 г.) // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. 2008а. Вып. XIV. С. 645–697.
- Храпунов Н.И. Путеводитель по Восточной Европе начала XIX века // *Бахчисарайский историко-археологический сборник*. Вып. 3. Симферополь: Антиква, 2008б. С. 299–315.
- Храпунов Н.И. Крымский полуостров после присоединения к России в сочинении Бальтазара фон Кампенгаузена // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. 2013. Вып. XVIII. С. 456–473.
- Храпунов Н.И. Алушта как «крымский рай» в описаниях иностранных путешественников конца XVIII – начала XIX в. // *Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки*. 2014а. № 3. С. 58–68.
- Храпунов Н.И. Путешествие в Крым Джеймса Уэбстера и его товарищей (1827 г.) // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. 2014б. Вып. XIX. С. 379–426.
- Храпунов Н.И. Бахчисарай Эдварда-Даньела Кларка: Восток, Россия и Крым // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2014с. № 4. С. 141–153.
- Храпунов Н.И. «Место, богатое воспоминаниями и иллюзиями»: образы Тавриды в сочинениях путешественников // *Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825*. Севастополь: Альбатрос, 2017а. С. 329–352.
- Храпунов Н.И. Крымская миссия Жана Рёйи // *Французский ежегодник 2017. Франция и средиземноморье в Новое и Новейшее время*. М.: ИВИ РАН, 2017б. С. 113–140.

Храпунов Н.И., Гинькут Н.В. Маттью Гатри и его «путешествие» в историю Крыма // *Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки*. 2015. № 4. С. 157–170.

Чистяков М.Б. Из поездок по России. М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2015. 239 с.

Clarke E.D. *Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa*. Part. 1: Russia, Tahtary, and Turkey. 4th ed. Vol. 2. L: T. Cadell and W. Davies, 1817. 524 p.

[Craven E.]. *A journey through the Crimea to Constantinople in a Series of Letters...* L.: G.G.J. and J. Robinson, 1789. 327 p.

Dickinson S. Russia's First "Orient": Characterizing the Crimea in 1787, in: *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2002. Vol. 3. №. 1. P. 3–25.

Henderson E. *Biblical Researches and Travels in Russia...* L.: James Nisbet, 1836. 538 p.

Holderness M. *Journey from Riga to the Crimea, with Some Account of the Colonists of New Russia*. 2nd ed. L.: Sherwood, Gilbert, and Piper, 1827. 316 p.

[Ligne Charles Joseph de.]. *Lettres et pensées du maréchal prince de Ligne*. 2nd éd. P.; Genève: J.J. Pachoud, 1809. 336 p.

Milner Th. *The Crimea, Its Ancient and Modern History: The Khans, the Sultans, and the Czars...* L.: Longman, Brown, Green, and Longmans, 1855. 368 p.

Otter W. *The Life and Remains of Edward Daniel Clarke, professor of mineralogy in the University of Cambridge*. N.-Y.: J. & J. Harper, 1827. 528 p.

Reuilly J. *Voyage en Crimée et sur les bords de la Mer Noire pendant l'année 1803...* P.: Bossange, Masson et Besson, 1806. 302 p.

Schönle A. Garden of the Empire: Catherine's Appropriation of the Crimea, in: *Slavic Review*. 2001. Vol. 60. № 1. P. 1–23.

Séjour [L.-Ph.] de. *Mémoires ou souvenirs at anecdotes*. 3-me éd. T. III. Bruxelles: X. Renaudière, 1827. 680 p.

The Cambridge Companion to Travel Writing. Camb.: Cambridge Univ. Press, 2002. 318 p.

REFERENCES

Arkhiv kniazya Voroncova [Prince Vorontsov's Archive]. Vol. 9. Moscow: Tipografiya Gracheva i K., 1876. 528 p. (in Russian).

Bronshtein A.I. Transformaciya legendy Fontana slez [The transformation of the Fountain of Tears Legend], in: *Bahchisarajskij istoriko-arkheologicheskij sbornik* [Bakhchisarai Historical and Cultural Journal], vol. 1. Simferopol: Tavriia, 1997. P. 475–486 (in Russian).

Wolff L. *Izobretaya Vostochnuyu Evropu: karta civilizacii v soznanii epohi Prosveshcheniya* [Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment]. Moscow: NLO, 2003. 560 p. (in Russian).

Germogen (episkop). *Tavrisheskaya eparhiya* [Taurida Bishpirc]. Pskov: Tip. gub. pravl., 1887. 520 p.

Guibal P. *Obozrenie Kryma, Novorossii i Kavkaza v dnevnike puteshestviya iz Odessy v Tiflis Polia Gibalia, 1818–1819* [A Review of the Crimea, New Russia, and Caucasus in Paul Guibal's Journal of Travel from Odessa to Tiflis, 1818–1819]. Moscow: Russkij Mir, 2017. 416 p. (in Russian).

Druzhinina E.I. *Severnoe Prichernomor'e v 1775–1800 gg.* [The Northern Black Sea Area in 1775–1880]. Moscow: Nauka, 1959. 280 p. (in Russian).

Zhivov V.M. *Razyskaniya v oblasti istorii i predystorii russkoj kul'tury* [Researches in the Field of History and Prehistory of Russian Culture]. Moscow: Yazyki slavianskoj kul'tury, 2002. 760 p. (in Russian).

Zorin A.L. *Kormya dvuglavogo orla... Literatura i gosudarstvennaya ideologiya v Rossii v poslednej treti XVIII – pervoj treti XIX veka* [Feeding Two-Headed Eagle... Literature and State Ideology in Russia in the Last Third of the Eighteenth and First Third of the Nineteenth Century]. Moscow: NLO, 2004. 416 p. (in Russian).

Konkin D.V. *Ocenki ekonomicheskogo potenciala Kryma v trudah uchenyh puteshestvennikov: «defekt opisaniya» i ego prakticheskie posledstviya* [Evaluations of the Crimea's Economic Potential in Works by Learned Travelers: The "Description Defect" and Its Practical Consequences], in: *Problemy integracii Kryma v sostav Rossii, 1783–1825* [The Aspects of the Crimea's Integration into Russia, 1783–1825]. Sevastopol: Al'batros, 2017. P. 37–56 (in Russian).

Ludolph de. *Pis'ma o Kryme* [Letters on the Crimea], in: *Russkoe obozrenie* [Russian Review]. 1892. Vol. 2 (March). P. 155–201 (in Russian).

Markov E.L. *Ocherki Kryma* [Essays on the Crimea]. Kiev: Stilos, 2006. 512 p. (in Russian).

Martin A. *Prosveshchennyi metropolis. Sozidanie imperskoj Moskvy, 1762–1855* [Enlightened Metropolis: Constructing Imperial Moscow, 1762–1855]. Moscow, 2015. 448 p. (in Russian).

Montesquieu Ch.-L. *O duhe zakonov* [De l'esprit des lois]. Moscow: Mysl', 1999. 672 p. (in Russian).

Pallas P.-S. *Nablyudeniya, sdelannye vo vremya puteshestviya po yuzhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 godakh* [Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794, Bd. 2]. Moscow: Nauka, 1999. 244 p. (in Russian).

Promyslov N.V. *Francuzskoe obshchestvennoe mnenie o Rossii nakanune i vo vremya voiny 1812 goda* [French Public Opinion of Russia on the Eve of and During the 1812 War]. Moscow: ROSSPEN, 2016. 254 p. (in Russian).

Prokhorov D.A. *O stihijnyh bedstviyah na Krymskom poluostrove* [On the Natural Disasters in the Crimean Peninsula], in: *Problemy integracii Kryma v sostav Rossii, 1783–1825* [The Aspects of the Crimea's Integration into Russia, 1783–1825]. Sevastopol: Al'batros, 2017. P. 57–73 (in Russian).

Prusskaia E.A. *Francuzskaya ekspediciya v Egipet 1798–1801 gg.: vzaimnoe vospriyatie dvuh civilizacij* [The French Expedition into Egypt: The Two Civilizations' Mutual Perception]. Moscow: ROSSPEN, 2016. 183 p. (in Russian).

Pypin A.N. Volga i Kiev. Vpechatleniya dvuh poezdok [Volga and Kiev: Impressions from Two Journeys], in: *Vestnik Evropy* [European Herald]. 1885. Vol. 4. Book 7. P. 188–215 (in Russian).

Romme J. *Puteshestvie v Krym v 1786 g.* [Voyage to the Crimea in 1786]. L.: Izdatel'stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta, 1941. 79 p. (in Russian).

Said E.W. *Orientalizm. Zapadnye koncepcii Vostoka* [Orientalism: Western Conceptions of the Orient]. Moscow: Russkij Mir, 2006. 640 p. (in Russian).

Svirida I.I. *Metamorfozy v prostranstve kul'tury* [Metamorphoses in the Space of Culture]. Moscow: Indrik, 2009. 464 p. (in Russian).

Sebag Montefiore S. *Potemkin* [Potemkin]. Moscow: Vagrius, 2003. 526 p. (in Russian).

Tolochko A.[P.] *Kievskaya Rus' i Malorossiiia v XIX v.* [Kievan Rus' and Little Russia in the Nineteenth Century]. Kiev: Laurus, 2012. 256 p. (in Russian).

Urushadze A.T. *Kavkaz: vzaimodejstvie kul'tur (konec XVIII – seredina XIX vv.)* [The Caucasus: Interaction of Cultures (Late Eighteenth to Mid-Nineteenth Century)]. Rostov-on-Don: SFeDU Publ., 2016. 280 p. (in Russian).

Filiushkin A. Kak Rossiya stala dlya Evropy Aziej? [How Russia Became Asia for Europe?], in: *Izobretenie imperii: yazyki i praktiki* [Inventing Empire: Languages and Practices]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2011. P. 10–48 (in Russian).

Khrapunov N.I. Krym v opisaniyah Redzhinal'da Khebera (1806 g.) [The Crimea as Described by Reginald Heber (1806)], in: *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History, and Ethnography of Tauria]. 2008a. Vol. 14. P. 645–697 (in Russian).

Khrapunov N.I. Putevoditel' po Vostochnoj Evrope nachala XIX veka [An Early-Nineteenth-Century Guide of Eastern Europe], in: *Bakhchisaraiskij istoriko-arheologicheskij sbornik* [Bakhchisarai Historical and Cultural Proceedings]. Vol. 3. Simferopol: Antikva, 2008b. P. 299–315 (in Russian).

Khrapunov N.I. Krymskij poluostrov posle prisoedineniya k Rossii v sochinenii Bal'tazara fon Kampengauzena [The Crimean Peninsula after Joining to Russia as Described by Balthazar von Campenhausen], in: *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History, and Ethnography of Tauria]. 2013. Vol. 18. P. 466–467 (in Russian).

Khrapunov N.I. Alushta kak «krymskij raj» v opisaniyah inostrannyh puteshestvennikov konca XVIII – nachala XIX v., in: *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki* [Proceedings of the Ural Federal University, Series 2: Humanities]. 2014a. № 3. P. 58–68 (in Russian).

Khrapunov N.I. Puteshestvie v Krym Dzheimsa Uebstera i ego tovarishchej (1827 g.) [James Webster's and His Companions' Travel to the Crimea (1827)], in: *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History, and Ethnography of Tauria]. 2014b. Vol. 19. P. 379–426 (in Russian).

Khrapunov N.I. Bakhchisaraj Edvarda-Dan'ela Klarka: Vostok, Rossija i Krym [Edward Daniel Clarke's Bakhchisarai: The Orient, Russia, and the Crimea], in: *Problemy istorii,*

filologii, kul'tury [Aspects of History, Philology, Culture]. 2014c. № 4. P. 141–153 (in Russian).

Khrapunov N.I. «Mesto, bogatoe vospominaniyami i illyuziyami»: obrazy Tavridy v sochineniyah puteshestvennikov ["The Place Rich in Memories and Illusions": The Images of Taurida in Travelogues], in: *Problemy integracii Kryma v sostav Rossii, 1783–1825* [The Aspects of the Crimea's Integration into Russia, 1783–1825]. Sevastopol: Al'batros, 2017a. P. 329–352 (in Russian).

Khrapunov N.I. Krymskaya missiya Zhana Reii [Jean Reuilly's Crimean Mission], in: *Francuzskii ezhegodnik 2017* [Annual of French Studies 2017]. Moscow: IVI RAN, 2017b. P. 113–140 (in Russian).

Khrapunov N.I., Gin'kut N.V. Matt'iu Gatri i ego «puteshestvie» v istoriyu Kryma [Matthew Guthrie and His "Travel" into the History of the Crimea], in: *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki* [Proceedings of the Ural Federal University. Ser. 2: Humanities]. 2015. № 4. P. 157–170 (in Russian).

Chistiakov M.B. *Iz poezdok po Rossii* [From Travels through Russia]. Moscow: Gos. publ. ist. b-ka Rossii, 2015. 239 p. (in Russian).

Clarke E.D. *Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Part 1: Russia, Tahtary, and Turkey*. 4th ed. Vol. 2. L.: T. Cadell and W. Davies, 1817. 524 p.

[Craven E.]. *A journey through the Crimea to Constantinople in a Series of Letters...* L.: G.G.J. and J. Robinson, 1789. 327 p.

Dickinson S. Russia's First "Orient": Characterizing the Crimea in 1787, in: *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2002. Vol. 3. № 1. P. 3–25.

Henderson E. *Biblical Researches and Travels in Russia...* L.: James Nisbet, 1836. 538 p.

Holderness M. *Journey from Riga to the Crimea, with Some Account of the Colonists of New Russia*. 2nd ed. L.: Sherwood, Gilbert, and Piper, 1827. 316 p.

[Ligne Charles Joseph de.]. *Lettres et pensées du maréchal prince de Ligne*. 2nd éd. P.; Genève: J.J. Pachoud, 1809. 336 p.

Milner Th. *The Crimea, Its Ancient and Modern History: The Khans, the Sultans, and the Czars...* L.: Longman, Brown, Green, and Longmans, 1855. 368 p.

Otter W. *The Life and Remains of Edward Daniel Clarke, professor of mineralogy in the University of Cambridge*. N.-Y.: J. & J. Harper, 1827. 528 p.

Reuilly J. *Voyage en Crimée et sur les bords de la Mer Noire pendant l'année 1803...* P.: Bossange, Masson et Besson, 1806. 302 p.

Schönle A. Garden of the Empire: Catherine's Appropriation of the Crimea, in: *Slavic Review*. 2001. Vol. 60. № 1. P. 1–23.

Séguir [L.-Ph.] de. *Mémoires ou souvenirs at anecdotes*. 3-me éd. T. III. Bruxelles: X. Renaudière, 1827. 680 p.

The Cambridge Companion to Travel Writing. Cambr.: Cambridge Univ. Press, 2002. 318 p.